

IL CANTO SOSPESO

Рос. муз. газета
2001 - № 6 - с. 7

Пятьдесят писем другу - штрихи к портрету Николая Корндорфа

"Дорогой мой друг! Работай, пиши. Осталось не так уж много времени. Я недавно прочитал, что творческие силы начинают иссякать где-то в районе 55 лет..." (июль, 1996).

Николай Корндорф умер 31 мая 2001 года в Ванкувере (Канада) на 55-м году жизни.

"У меня часто возникает ощущение, что я живу как бы одновременно в двух странах: дом - это Россия, русские книги, русские писатели и философы, русская речь; и за граница, - куда я время от времени выхожу" (2.3.1992).
"Относительно того, что я останусь русским композитором, да и вообще русским, у меня сомнений нет. Скажу даже больше: я останусь советским композитором. Я часто ловлю себя на мысли, что продолжаю думать по-советски, то есть советский менталитет изживается с трудом. Что имеется в виду? Если согласиться с мыслью, что искусство в большей своей части является отражением действительности (в широком понимании этого слова), то тогда следует признать, что советская музыка это не только та музыка, которая прославляла советскую власть, но и та, которая выступала с протестом против этой власти. То есть это та музыка, которая была порождена системой, являлась в той или иной степени отражением системы или же реакцией на эту систему. При всем антисоветизме Шостаковича, его музыка советская, так же как и музыка Шнитке. Только композитору, художнику, жившему в СССР, могла прийти в голову мысль писать что-либо протестующее про-

тив этой системы. То есть этот протест был порожден самой системой, а следовательно, искусство отражало советскую действительность и, даже будучи по содержанию антисоветским, по природе своей было советским, так как было рождено, было вызвано к жизни советской системой.
Поэтому при всем желании перестать быть советским я, видимо, не смогу этого полностью в себе изжить и останусь советским композитором, так как жанр "политической" музыки родился в СССР, в творчестве наших первых классиков и существовал только в СССР" (июль, 1996).
"Я считаю наше поколение обремененным вниманием. Интересно, что очень давно, лет 27 назад, когда я еще был студентом, Буцко сказал мне пророческую фразу, что поколение, родившееся в 30-е годы (Шнитке, Щедрина, Губайдулина и пр.), "хода вам не даст". При этом он не имел в виду какие-то целенаправленные действия этого поколения, а имел в виду, что все ниши, все места будут заняты этим поколением. И оказался прав. Понадобился отъезд Шнитке, Денисова, Губайдулиной, Щедрина, чтобы вдруг открылось, что оказывается есть композитор Екимовский, есть композитор Фарадж Караев, есть Вустин. Мне всегда было странно, почему имя Губайдулиной широко известно и популярно, а музыку Шутя, не уступающую музыке Губайдулиной, никто не знает. Почему так популярен Денисов, а более тонкий, более рафинированный, более авангардный Караев никому не известен, да никто и не хотел его знать. Скажу прямо кощунствен-

"В последнее время я слушал очень много современной (50-70-е годы) музыки, ранее мне неизвестной: Ксенакис, Берно, Булез и прочее. И вдруг понял, что дальше пошел назад. Лигети пошел назад, Булез пошел назад, Штокхаузен, Берно - все назад чуть ли не к 40-м годам. Я не знаю, куда идти вперед, но, думаю, что это "вперед" лежит на пути усложнения, а точнее, укрупнения или даже умасштабирования (в содержательном плане) музыкальных идей. Соединение нескольких идей в одном произведении. Их одновременная жизнь внутри одного сочинения... Я тут послушал "Ритуал" Булеза в авторском исполнении, который помню по исполнению в Москве Баренбоймом. Помню, как он ("Ритуал") мне тогда понравился. Но сейчас я ощутил некоторое разочарование. Потому что сочинение оказалось одномерным: за конструкцией, которая очень интересна при первом прослушивании, здесь ничего не оказалось" (1.9.1992).
"Детально ознакомился с Шелси. Прослушал 38 сочинений. Не могу сказать, что это все открытия. Хотя оркестровые сочинения очень хорошие. А вот камерные - все одно и то же. Они не выходят, в основном, за пределы приема... Вообще мне кажется, что открытия должны быть в области идей, а приемы - как результат появления новой внемузыкальной, вернее сверхмузыкальной идеи. Почему ортодоксальный минимализм сегодня не звучит? - потому что за приемами ничего не стоит. Это очень ярко видно и на примере электронной музыки. На нее здесь смотрят как на изобретение новых тембров,

как на нечто почти что инженерное, то есть эту музыку могут писать люди и немусыканты вообще, не знающие нот, не знающие музыки и ее кухни...
Проштудировал Крамба - около 25-ти сочинений. Это очень ярко. Хотя не без наивностей и розыгрыша. Я имею в виду его символику - достаточно наивную. И его кресты, круги, спирали и т. д. Выглядит очень современно, но по сути дела - традиционно. Смотришь - очень необычно, очень по-новому, а слушаешь - ничего нового. А музыка - это ведь не живопись. Она не для глаз, а для ушей" (29.1.1994).
"Познакомился с музыкой Фернито. Очень популярный в Европе, всюду о нем говорят как об очень известном... Партитуры написаны архисложно, и лекции он повсюду читает, и учит всюду, и смысл философский вкладывает в каждую ноту. Но по стилю - Дармштадтская школа начала 60-х годов. Скупища и однообразие жуткое. Как учился у Клауса Хубера, так и пишет как Хубер, только чуть сложнее" (29.1.1994, 24.3.1994).
"Начал изучать Фелдмана. Это очень яркое явление. Идеи необычайной свежести и новизны. Чувство формы подчас очень хорошее, даже непонятно, как он держится. Но часто это чувство и изменяет. Рисковал он очень сильно. И все-таки, думаю, что, как и большинство американских композиторов-авангардистов, он будет иметь исключительно историческое значение, а не эстетическое" (15.10.1994).
"Занялся изучением творчества Нона. Прослушал практически все, что записано. Потрясающее сочинение "Прометей" - самое последнее. Очень хорошо сочинение "8 путешествий Гидона Кремера". Но чувствуется, что он был очень импульсивным человеком и не любил дотягивать, доделывать и т. д. Но очень глубокий тем не менее" (30.9.1995).
"...И сколько их еще не знаю, сколько музыки еще надо послушать и посмотреть. Оставшихся лет жизни не хватит" (29.1.1994).
"В том, что "уехавших не играют", есть своя правда. Зачем играть тех, кто сам себя вычеркнул из московской музыкальной жизни. Эта позиция может нравиться, может не нравиться, но она в принципе правильная. Тут ничего возразить нельзя. До тех пор, пока композиторы будут делиться на "наших" и "не наших", эта точка зрения будет существовать. Во всем мире композиторы делятся на "своих" и "не своих". "Не своих" исполняют как нечто экзотическое, как диковинку. Такой диковинкой все мы были, когда нас исполняли в Германии, Англии и т. д." (3.3.1997).
"Получил записи 8-й симфонии Шнитке, 6-го Концерто гротто

и Концерта для фортепиано в 4 руки и оркестра. Вот что я подумал. Эти сочинения, так же как и все самые последние его сочинения, интересны для понимания психики больного человека. Это как бы история болезни, написанная самим больным, но написанная его подсознанием. Это поразительный документ и для музыковедов и для психологов. Жаль, что у нас нет специалистов, работающих на стыке этих двух дисциплин. То, что Шнитке говорит (см. книгу бесед с Ивашкиным), подчас достаточно спорно и не всемоу веришь сегодня. А то, что он пишет в музыке - чистой правды. Другое дело, что можно говорить, что это музыкально интересно или неинтересно. Это уже дело вкуса. Но сам факт, что человек пишет в таком состоянии, и что он пишет, и как он пишет, нуждается в пристальнейшем изучении. Это очень важно для понимания в целом психологии и ощущений тяжелобольного человека" (март, 1996).
"Только здесь я понял, как нас всех обокрали в свое время, когда не разрешали в СССР электронную музыку. Прошлой весной я пошел в местную студию электронной музыки и понял, что часть моих сочинений (Гимн II, местами Симфония № 3) - электронная, компьютерная музыка. Которая оказалась реализованной не в тех звуках, которые звучали в голове... Поэтому я решил, что надо постараться каким-нибудь образом влезть в эту студию. С января пошел на компьютерные курсы, на самый начальный уровень. Начал с азов. Но главное здесь понять принцип работы, принцип общения с компьютером. Освоив две программы, можно уже самостоятельно освоить третью и четвертую" (28.2.1993).
"Работы по-прежнему нет, и достать ее будет очень трудно. Заказов новых пока тоже нет. Так что будущее туманно, но оптимистично и хорошо... Я так думаю, что те, кто живут здесь, не имеют права жаловаться хоть как-нибудь, не имеют права говорить о каких бы то ни было трудностях, зная, что сейчас происходит в России, зная, как сейчас живут композиторы-коллеги. Надо каждый день возносить хвалу и радоваться. А все сложности несравнимы со сложностями вашей жизни" (1.9.1992).
"Мне всегда было интересно (я ведь спортсмен по натуре) плыть против течения. Может быть, это не всегда удавалось, но я всегда к этому стремился" (2.3.1992).
"...Обнимаю тебя. Твой Коля" (4.4.2001 - последнее письмо Николая Корндорфа).

Письма и фотографии из личного архива Виктора Екимовского